

Б.Н.Комиссаров, С.Г.Божкова

Конфликт длиной в 180 лет

Англо-аргентинский спор из-за Фолклендских (Мальвинских) островов в материалах российского архива

В статье на основе материалов архива российского наблюдателя и аналитика генерального консула в Рио-де-Жанейро Ю.А.Валленштейна рассматриваются истоки англо-аргентинского спора из-за Фолклендских (Мальвинских) островов. Показано, что ни цивилизационные, ни внутривосточные, ни международные, ни финансовые обстоятельства не позволяли Аргентине в 30—40-х годах XIX в. предъявлять обоснованные претензии на упомянутые острова. Поэтому ее неудачная попытка вернуть себе архипелаг вооруженным путем в апреле—июне 1982 г. носила явно авантюрный характер.

Ключевые слова: Валленштейн, спорные острова, Аргентина в XIX в., конфликт в Южной Атлантике 1982 г.

Фолклендский спор между Великобританией и Аргентиной является самым старым, если иметь в виду великие западноевропейские державы, с одной стороны, и молодые латиноамериканские республики, ставшие независимыми в первой четверти XIX в., — с другой. Начался он в январе 1833 г., когда английский корвет «Клио» пришел на Фолклендские (Мальвинские) острова, которые Объединенные провинции Ла-Платы (будущая Аргентина) считали своими, с целью установить над ними власть Лондона. Капитан «Клио» потребовал, чтобы аргентинская шхуна «Саранди», которую он там застал, немедленно покинула архипелаг. История конфликта, возникшего в первой трети позапрошлого века, продолжается и по сей день, причем, когда в апреле 1982 г. Аргентина попыталась вернуть себе острова силой, между двумя странами произошло жесткое вооруженное противостояние, и архипелаг остался в распоряжении прежней хозяйки.

Что же получили англичане, захватив Фолкленды 180 лет назад? В 20-х годах XIX в. в Англии завершился промышленный переворот, и она располагала наиболее многочисленным и сильнейшим в мире флотом. Обширный, в 12,2 тыс. км², архипелаг был превосходной базой для судов, оги-

---

Борис Николаевич Комиссаров — доктор исторических наук, профессор, факультет свободных искусств и наук СПбГУ (boris.komissarov@gmail.com); Светлана Георгиевна Божкова — кандидат исторических наук, сотрудник научной библиотеки им. А.М.Горького СПбГУ (svetaastra@yandex.ru).

Карта Фолклендских островов

бающих мыс Горн, и местом контроля за всеми, кто направлялся из Атлантического океана в Тихий. Тем более, что путь вокруг мыса Доброй Надежды уже был объектом тщательного наблюдения из Лондона благодаря военно-морской базе в Саймонстауне. Не будем забывать, что после заключения Петербургом Тильзитского мира с Наполеоном российский военный шлюп «Диана», шедший вокруг света под командованием Василия Михайловича Головнина, был в 1808—1809 гг. задержан на этом английском форпосте без малого на 13 месяцев и вырвался из плена лишь благодаря мужеству и мастерству капитана, воспользовавшегося благоприятными метеоусловиями. Для Аргентины в упомянутом значении Фолкленды были, несомненно, бесполезны: по оценке русского путешественника Платона Александровича Чихачева, преодолевшего в 1836 г. верхом путь из Сантьяго до Буэнос-Айреса, флот страны состоял не более чем из нескольких шхун¹.

Острова были почти пустыни. Американские аборигены туда не добрались, а европейские поселенцы в очень малом числе обитали в основном на самом крупном из них — Восточном Фолкленде, площадью в 6,6 тыс. км². География архипелага достаточно известна. Широкий пролив отделяет упомянутый остров от Западного Фолкленда, уступающего соседу более чем на 2 тыс. км². Кроме того насчитывается 11 островов (от 11 до 266 тыс. км²), а всего в архипелаге около 780 географических объектов, включая мелкие и мельчайшие участки суши вплоть до отдельных скал, поднимающихся из океанских глубин. Средняя температура на островах, находящихся на широте Магелланова пролива, без малого в 500 км от побережья Патагонии и подверженных влиянию мощного холодного Фолклендского и других атлантических течений, не превышает 6⁰ Цельсия. Ландшафт архипелага, открывшийся глазам его новых хозяев, был плоским и

довольно унылым, лишь на самых больших островах они заметили две возвышенности, не превышающие 700 м. «Волнистая местность представляет собой все время один и тот же однообразный торфяник, поверхность покрыта редкой высохшей бурой травой, да кое-где очень мелкими кустиками, растения поднимаются из упругой торфяной почвы», — писал Чарльз Дарвин в марте 1834 г., когда знаменитый «Бигль» бросил якорь близ Восточного Фолкленда². Впрочем, все эти объективные данности ничуть не обесценивали приобретение Лондона. По островным равнинам в то время бродили тысячи голов одичавшего скота, и запастись мясом перед плаванием вокруг мыса Горн было вполне реально. Отсутствующую на архипелаге древесину мог с целью разведения огня с успехом заменить торф, а прибрежные воды изобиловали рыбой, морскими выдрами (каланами), тюленями и китами.

Однако отвлечемся на время от январских событий 1833 г. и кратко коснемся окутанной таинственной дымкой истории открытия архипелага и запутанных коллизий, связанных с претендовавшими на него странами. А открывали Фолклендские острова и присваивали им названия, можно сказать, «всей Европой». Испанцы, а за ними и аргентинцы считают, что первооткрывателем был Америго Веспуччи в 1502 г., но неопровержимых доказательств этого нет. Англичане полагают, что в 1591—1592 гг. архипелаг обнаружил Джон Девис, капитан одного из судов знаменитого корсара Томаса Кавендиша. Голландцы называют более точную дату. На их картах архипелаг именовался Себальдовыми островами, так как 16 января 1600 г. на них в южной Атлантике набрел Себальд де Веерт. Конечно, обнаружить архипелаг, зафиксировать это в источниках и аргументированно подтвердить находку было делом экстраординарной сложности, тем более, что протяженность его береговой линии составляет не менее 1300 км, и она чрезвычайно изрезана. Английское название — Фолклендские острова (Falkland Island) восходит к концу XVII в., так как доподлинно известно, что в 1690 г. на них высаживался англичанин Джон Стронг. Из уважения к своему патрону Энтони Кэри, пятому виконту Фолклендскому, он назвал его титулом пролив между двумя главными островами архипелага, а затем и весь он стал так именоваться.

В 1763—1765 гг. острова изучал известный французский мореплаватель Луи Антуан де Бугенвиль, основавший на Восточном Фолкленде первое поселение — Порт Сен-Луи (с 1828 г. — Порт-Луи). В честь своих соотечественников, моряков и рыбаков, уроженцев порта Сен-Мало в Бретани, он дал островам название Мальвинские (Îles Malouines), которое, как видим, появилось более чем через полвека после английского аналога. Бугенвиль не подозревал, что одновременно с ним, в январе 1765 г., к архипелагу, на о-в Сондерс, пришел британец Джон Байрон (дед знаменитого поэта), назвал бухту, где высадился, Порт-Эгмонт и объявил о британских правах на острова. В следующем году их подтвердил капитан Джон Макбрайд, основавший в упомянутой бухте английское поселение под тем же названием. Однако тогда же, в 1766 г., Испания купила у Франции ее владения на архипелаге, ставшие именоваться на испанский лад — Islas Malvinas, назначила туда в 1767 г. губернатора, а в 1770 г. изгнала англичан с о. Сондерс. Правда, в 1771 г. они вернулись в Порт-Эгмонт, хотя и ненадолго. В 1774 г. из-за приближения войны со своими американскими колониями Анг-

Вице-адмирал Джон Байрон

хипелаг, но, как и ранее англичане, от прав на него не отказались, находя, как упоминалось, их истоки в истории Великих географических открытий начала XVI в.

Появившиеся после так называемой майской революции 1810 г. Объединенные провинции Ла-Платы официально провозгласили свою независимость от Испании только в 1816 г., но ею, разумеется, признаны не были. Бывшая метрополия переживала одну революцию за другой: в 1808—1814 гг., 1820—1823 гг., а в 1833 г., как раз в год установления власти Англии над Фолклендами, в сентябре скончался сидевший на испанском троне последние 20 лет Фердинанд VII, началось регентство его вдовы Марии Кристины при трехлетней королеве Изабелле II, в октябре же параллельно вспыхнули инициированная младшим братом покойного короля, претендовавшим на престол доном Карлосом, гражданская (карлистская) война и третья революция, продолжавшиеся соответственно до 1840 и 1843 гг. Тут уж было не до борьбы за далекий архипелаг, тем более, что в противовес реакционеру-абсолютисту Карлосу регентша и ее политическое окружение — кристиносы опирались на испанские либеральные круги, поддерживаемые Лондоном.

Представительство властей Буэнос-Айреса, считавшее себя в отношении архипелага наследником Мадрида, имеет там свою историю. В 1820 г. на острова с целью утверждения аргентинской гегемонии был послан американский полковник Дэвид Джуэтт, но встретив в островных бухтах около полусотни судов, приписанных к многочисленным английским и американским портам, ретировался, ничего не добившись. Однако в 1829 г. Буэнос-Айрес заключил договор с Луи Верне, предпринимателем-эмигрантом, потомком французских гугенотов, уроженцем Гамбурга, переселившимся затем в Южную Америку. Он должен был основать поселение в районе Порт-Луи на восточном острове и установить в близлежащей акватории аргентинскую монополию на рыбную ловлю и промысел морского

лия начала оставлять ряд своих заморских владений. В 1776 г. очередь дошла и до Фолклендов. Но, уйдя с них физически, англичане и не помышляли об отказе в дальнейшем от своих прав на архипелаг.

В 1776—1811 гг. острова управлялись из Буэнос-Айреса как столицы испанского колониального владения — Вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, т.е. фактически из Мадрида. В 1810 г. началась эпопея растянувшейся на полтора десятилетия Войны за независимость американских колоний Испании. В мае этого года вспыхнуло восстание в Буэнос-Айресе, и испанцы навсегда покинули пределы бывшего вице-королевства. В следующем году они также оставили интересующий нас ар-

зверя. Для контроля за береговой линией и сбора налогов Верне нанял английского моряка Мэтью Брисбена, который и занялся этим, используя свою шхуну «Элбе».

У нас есть уникальная возможность проследить по материалам российского происхождения развитие остающейся до сих пор актуальной коллизии вокруг Фолклендов с конца 20-х до конца 30-х годов XIX в. Уникальность эта связана с двумя объективными обстоятельствами. Прежде всего, речь идет в данном случае о впервые предпринятой реконструкции конкретных событий на основании данных, исходивших из Рио-де-Жанейро, центра российского дипломатического и консульского присутствия в Латинской Америке, и посвященных, в частности, истории ее испаноязычных стран. В целом этот обширный пласт источников ранее уже был представлен научной общественности³. Во вторых, автором посланных в Петербург донесений и аналитиком собранных материалов являлся российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро Юлиус Александрович Валленштейн. Так случилось, что российские консульские и дипломатические представители в Рио-де-Жанейро не только усердно служили по ведомству иностранных дел, но и сочетали в себе, а также активно проявляли немало других талантов. К примеру, Григорий Иванович Лангсдорф был знаменитым путешественником, естествоиспытателем и этнографом, родоначальником русско-бразильских отношений, предтечей идеи создания появившейся уже в наше время группы BRICS. Франц Францевич Борель являлся выдающимся знатоком торговли, финансов, экономики и политики португальского мира своего времени и теоретиком основ консульской службы. Федор Петрович Мальтиц прославился как российский немецкоязычный поэт, автор более чем двух десятков стихотворных сборников и один из первых переводчиков на немецкий Федора Ивановича Тютчева, приходившегося ему свояком. Сергей Григорьевич Ломоносов писал блестящие очерки о Бразилии в основанной еще Пушкиным журнал «Современник». Дмитрий Григорьевич Глинка издал за границей и в России капитальные труды по обществоведению. Александр Семенович Ионин удостоился Демидовской премии за четырехтомный труд «По Южной Америке». А вот Валленштейн, к большому удовлетворению исследователей его архива, отличался энциклопедической образованностью в области истории международных отношений⁴.

Валленштейн родился в 1790 г. в Прусской Силезии. Желание ступить на дипломатическую стезю пробудилось в нем еще в юном возрасте, и это стремление горячо поддержал отец, тем более, что Юлиус с легкостью осваивал европейские языки. В 1810—1822 гг. (с перерывом на 1812—1814 гг.) он служил в российской миссии в Мадриде, выполняя консульские и переводческие функции, в 1822 г. был переведен в российскую миссию в Филадельфии, а в апреле 1823 г. — в вашингтонскую миссию, сначала в качестве секретаря, а затем советника. Юлиус Александрович чрезвычайно активно занимался самообразованием, и свои выводы нередко формулировал в виде текстов исторических сочинений, которые, однако, не стремился публиковать. Так, сохранились его рукописи «Провинции Испании и их прогресс», «Очерки дипломатической истории американской революции», «Замечания о причинах и принципах союза между Францией и США в 1778 г.», «Летопись восстания испанских колоний и современная история

их страны-матери» и др. Где бы ни служил Валленштейн, он везде пользовался большим уважением и неизменно избирался в состав научных и литературных сообществ, скажем, в Мадридскую академию истории, Американскую академию искусств и наук в Бостоне, Американское философское общество в Филадельфии, а по прибытии в ноябре 1832 г. на свой бразильский пост стал членом-корреспондентом Литературного общества в Рио-де-Жанейро⁵.

Фолклендская тема сразу стала одной из центральных в донесениях Валленштейна министру иностранных дел Карлу Васильевичу Нессельроде, тем более, что число спорщиков за обладание архипелагом и его ресурсами отнюдь не уменьшалось. Чем располагал генеральный консул, обращаясь к упомянутой теме? Прежде всего, опытом многолетней службы на дипломатических постах в Испании и США, общеисторической образованностью, фундаментальной начитанностью по истории международных отношений с XV в. включительно, великолепным знанием опубликованных текстов договоров и соглашений по этой тематике, разнообразными связями как приобретенными ранее, так и весьма интенсивно завязывавшимися после его прибытия в Рио-де-Жанейро. Эти связи делали для него доступными ранее неизвестные устные и письменные источники информации. Так, французский посланник в Рио-де-Жанейро Алексис де Сен-При, посетивший в 1834 г. Буэнос-Айрес, передал Валленштейну копии своих донесений министру иностранных дел Франции Ашилю Шарлю Леоне Виктору, герцогу де Брольи. Алексис имел русские корни. Его родителями были французский эмигрант Шарль де Сен-При и представительница знатного российского рода княжна Софья Алексеевна Голицына. Наконец, Валленштейн регулярно знакомился с прессой Буэнос-Айреса, такими изданиями, как «Gaceta Mercantil», «Lucero» и др.

В донесении от 10 (22) ноября 1832 г. (а все они, как известно, писались тогда исключительно по-французски) генеральный консул сообщал, что еще в ноябре 1829 г. английский поверенный в делах в Буэнос-Айресе Вудбайн Пэриш в ответ на заключение договора с Верне официально опротестовал претензии Объединенных провинций Ла-Платы на обладание островами, указав, что его страна имеет на них более давние и обоснованные права⁶. Английские рыбаки нередко нарушали монополию, которую охранял Верне, но он не шел на конфронтацию с ними, стараясь избегать явных столкновений.

Не в пример англичанам американские рыбаки и охотники на каланов вели себя гораздо бесцеремоннее, и Верне был вынужден задержать одно их судно с экипажем, чтобы передать этот инцидент на рассмотрение судебных властей Буэнос-Айреса. Затем последовало задержание еще двух судов из США, и под командой Верне оказалось в итоге меньше солдат, чем захваченных им пленников. Находясь в слабой позиции, дипломатичный Верне, возможно, нашел бы какой-то способ договориться с нарушителями монополии, но в 1830—1831 гг. события приняли другой оборот. Узнав о пленении первого судна, консул США в Буэнос-Айресе Джордж Слэком направил протест министру иностранных дел Объединенных провинций, выразив сомнение как в полномочиях Верне, так и в праве молодой республики на владение островами. Тон официальных бумаг с обеих сторон становился все более резким. В Буэнос-Айресе отказались призна-

вать консула США, а Слэком, подбодренный тем, что на Ла-Плату пришел американский корвет «Лексингтон» под командованием капитана Силаса Дункана, объявил местным властям ультиматум. Дункан, со своей стороны, усилил нажим на местное правительство, а когда оговоренные сроки истекли, привел свой корвет на острова, где, не найдя Верне, отбывшего в Буэнос-Айрес, взял на борт «Лексингтона» пленных американских рыбаков, разрушил некоторые военные постройки, а также частные дома и захватил несколько лиц, по слухам повинных в конфискации рыболовецких судов США, для доставки туда в качестве заложников⁷.

Луи Верне

Скандал дошел до Вашингтона, и, как сообщал Валленштейн, президент Эндрю Джексон в послании конгрессу в декабре 1831 г. писал: «Я немедленно направлю своего уполномоченного рассмотреть факты и права правительства Буэнос-Айреса на эти острова, если оно таковыми располагает»⁸. Выбор пал на его горячего приверженца, бывшего члена палаты представителей от штата Массачусетс Френсиса Бейлиса. Его миссия, начавшаяся 15 июня 1832 г., оказалась неудачной. В Буэнос-Айресе все его действия и высказывания не вызывали ничего, кроме раздражения. Бэйлис потребовал восстановить Слэкома в правах консула, довольно прозрачно намекал на приоритет англичан в праве на архипелаг и даже склонен был отдать должное претензиям на него Испании по сравнению с Объединенными провинциями Ла-Платы, не признанными бывшей метрополией. Увязнув в рассмотрении этих исторических обстоятельств, Бейлис оставил на втором плане вопросы о конфискации американских кораблей, аресте их капитанов и разрешении для США продолжать промысел близ архипелага. Министр иностранных дел Объединенных провинций Мануэль В. де Маса, со своей стороны, настаивал на возмещении убытков, причиненных Дунканом, а вопрос о промысле, если он не сможет быть разрешен в ходе прямых переговоров, предлагал передать на арбитраж какой-либо дружественной страны. К своей ноте Бейлису он приложил оправдательный мемуар Верне, а кроме того отправил государственному секретарю США, известному правоведа Эдварду Ливингстону, обстоятельную депешу о злоупотреблениях его соотечественников близ спорного архипелага. В итоге Бейлис оказался в Буэнос-Айресе в дипломатической изоляции. Он не стал рассматривать мемуар Верне, вернул его в местное министерство иностранных дел и, 26 сентября, спустя чуть больше трех месяцев после прибытия, ничего не добившись, отправился на родину с экс-консулом Слэком в качестве личного секретаря⁹. Таким образом, Объединенные провинции Ла-Платы в 1829—1832 гг. не смогли доказать законность своих

прав на владение Фолклендами, тем более, что преемник Пэриша Генри Фокс еще в бытность Бейлиса в аргентинской столице торжественно подтвердил заявление своего предшественника.

В донесении Нессельроде от 29 декабря 1832 г. (11 января 1833 г.) Валленштейн упомянул: «... Адмирал Бейкер не скрыл от Вулси, что Англия решила осуществить свои права на Мальвинские острова, но, видимо, он не имел в виду захват островов, как уже свершившийся факт»¹¹. Значение этой как бы вскользь брошенной фразы станет понятно, если учесть, что коммодор Вулси был начальником военно-морских баз США в Рио-де-Жанейро и Буэнос-Айресе, а адмирал Томас Бейкер возглавлял аналогичную базу в бразильской столице.

Между тем, когда Валленштейн передавал содержание беседы Бейкера с Вулси, архипелаг уже девять дней находился под контролем Лондона: 20-пушечный корвет «Клио» с экипажем в полторы сотни человек прибыл к его берегам 2 января. Англичане застали там власти Объединенных провинций в состоянии глубокого кризиса. Незадолго до их прибытия на островах вспыхнул мятеж, и присланный из Буэнос-Айреса губернатор архипелага Хосе Франсиско Местивьер был убит. Капитан шхуны «Саранди» Хосе Мариа Пинедо, которому должен был передать свои функции Брисбен, получил приказ командира «Клио» Джона Джеймса Онслоу покинуть архипелаг со своими людьми и имуществом в течении 24 часов. Противиться этому Пинедо был не в состоянии: у него было лишь несколько пушек, а экипаж по своей численности в четыре раза уступал английскому, и, как писал Валленштейн, «состоял из североамериканских авантюристов, к тому же лоцман, англичанин, заявил, что не будет сражаться против своих соотечественников»¹². Над островами был поднят британский флаг, при этом Онслоу заверил Пинедо, что «Англия продолжает оставаться в доброй гармонии с правительством Буэнос-Айреса»¹³. 20 января 1833 г. Онслоу привел «Клио» в Монтевидео, но в Порт-Луи гарнизона не оставил, а поручил охрану этой гавани и британского флага ирландцу Вильяму Диксону¹⁴. Впрочем, теперь под сенью этого флага на архипелаге продолжил службу и Мэтьюс Брисбен. Правда, в конце августа 1833 г. он был убит в результате бесконечных распрей в среде скорых на расправу островитян.

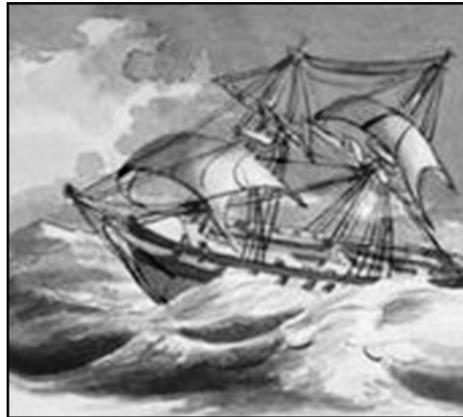
Все происшедшее стало предметом переписки упоминавшегося главы МИД Буэнос-Айреса М. В. де Маса и британского поверенного в делах Филиппа Гора, но тот не был уполномочен своим правительством ответить по существу полученных возражений, и 28 января 1833 г. эти ноты были приложены к официальному извещению о состоявшемся захвате архипелага, которое было направлено губернатором Буэнос-Айреса Хуаном Рамонем Балькарсе местному Законодательному собранию¹⁵. Потеря островов вызвала бурные правительственные и общественные протесты в Буэнос-Айресе. Возмущение выплеснулось на страницы его прессы, тем более, что в начале 1825 г. Англия первой из европейских держав признала независимость Объединенных провинций Ла-Платы и подписала с ними «договор о дружбе и торговле». Раздражение Буэнос-Айреса достигло таких пределов, что там даже планировали выдать своим немногочисленным капитанам каперские патенты (*lettres de marques*), разрешив им нападать на суда Англии и США. Подобную меру российский поверенный в делах в Бразилии Аполлон Петрович Мальтиц расценил не иначе как «ослепление со сторо-

ны правительства Аргентины»¹⁶. Впрочем, оно быстро прошло, когда в начале 1833 г. в южную Атлантику пришел 50-пушечный английский транспорт «Юпитер», имевший на борту пехотный полк.

События на Фолклендах имели в Буэнос-Айресе и судебные последствия. Семь заговорщиков, участвовавших на островах в мятеже, повлекшем смерть губернатора Местивьера, были расстреляны. За не оказание сопротивления англичанам к суду привлекли и Пинедо. Четверо членов военного трибунала потребовали для капитана «Саранди» смертной казни, четверо — разжалования, но председатель, имевший два голоса, учитывая неравенство сил, находившихся под командой Онслоу и Пинедо, настоял на всего лишь четырехмесячном аресте подсудимого.

В Лондоне не рискнули надолго оставлять архипелаг под символической охраной упоминавшегося Диксона. Тем более, что стало известно о гибели последнего, как и Брисбена, от рук мятежников во главе с аргентинцем Антонио Риверо. 1(13) января 1834 г. Валленштейн писал, что «командующий английской военно-морской базой в Буэнос-Айресе получил приказ сформировать из состава своей эскадры небольшой отряд во главе с лейтенантом для защиты прав Лондона на Мальвинские острова¹⁷. Действительно, еще 7 января на Восточный Фолкленд пришел английский военный корабль «Челленджер», с которого высадились офицер-комендант острова Генри Смит и шесть морских пехотинцев. «Челленджер» отсалютовал британскому флагу 21 залпом, а Смит со своими подчиненными вскоре захватил и выслал в Лондон Риверо с его сообщниками. Поняв, что на помощь Лондона рассчитывать он не сможет, а его пребывание на архипелаге затянется на неопределенное время, комендант занялся хозяйством: выращивал картофель и зерновые культуры, приручал одичавший скот и лошадей, выдывал и продавал шкуры, улучшал почву... Смит создал большие запасы продовольствия и семян, стадо прирученного скота разрослось до 350 голов. Начало расти поголовье овец, численность которых ныне достигает полумиллиона. Фолкленды становились реальной базой для британского флота. Так, в декабре 1834 г. Мальтиц сообщал в Петербург, что из Рио-де-Жанейро на архипелаг взял курс английский линейный корабль «Спартиат»¹⁸. В 1841 г. Фолкленды обрели статус британской заморской колонии.

Что же представляла собой Аргентина, претендовавшая на Мальвины (Фолкленды), в первой половине XIX в.? Прежде всего необходимо отделить претензии на архипелаг Испании от, так сказать, «наследнических» стремлений обладать им со стороны Буэнос-Айреса. Те и другие решительно несравнимы по своим основаниям, масштабам, значимости, наконец, с точки зрения элементарной исторической справедливости. Испания, можно сказать, создала, сконструировала современный мир, соединила его Восточное и Западное полушария, наполнила многие десятки миллионов

Корвет «Клио»

квадратных километров суши сутью своей, испанской, цивилизации. XVI в. был испанским веком для всего Нового света. Мадриду принадлежала основная часть Западной Европы, включая два полюса ее богатства — нидерландский на севере и итальянский на юге. После присоединения к своей империи в 1580 г. Португалии с ее колониями, до 1640 г. де-факто, а до 1668 г. де-юре, власть Испании, хотя постепенно и слабевшая, распространилась на все континенты планеты.

Аргентина — не только часть, но и подлинное творение испанского мира, причем не только в этносоциальном, но и природно-ландшафтном смысле. Аргентинская пампа — самая обширная равнинная часть Южной Америки — в XVI в. из-за относительно скудного и грубого травянистого покрова была не приспособлена для крупного рогатого скота. Путь для скотоводства был открыт, когда за десятилетия на просторах пампы размножилось поголовье лошадей, завезенных в период Конкисты. Огромные табуны, взрыхляя и унаваживая почву, перенося на себе семена растений, изменили местный ландшафт и растительность. С конца XVI и до начала XIX вв. шел процесс эволюции эстансий, где в итоге гаучо переходили от охоты на дикий скот и его приручения к разведению животных, а затем их массовому забою и засолке мяса на специальных предприятиях — саладерос¹⁹. У скотоводческой ориентации аргентинского хозяйства была и другая, негативная, сторона. Племена местных индейцев — арауканов, пуэльче, чон — стали искуснейшими всадниками, часто недоступными ни для пули, ни для пущенного вдогонку холодного оружия, ни для лассо.

Определяя суть общества, сложившегося в пампе, выдающийся мыслитель Аргентины, ее реформатор и президент в 1868—1874 гг. Доминго Фаустино Сармьенто писал: «Стихийный рост поголовья создает и бесконечно умножает богатство, вмешательство человека излишне, его труд, его разум, его время не нужны для сохранения и увеличения средств существования. Но если руки его не нужны для обеспечения материальной стороны жизни, то нерастраченные силы он не может использовать... у него нет города, муниципии, нет человеческого объединения, а потому нет основы для какого бы то ни было социального развития; не будучи объединенными, землевладельцы не имеют общественных потребностей, которые они стремились бы удовлетворить, словом, не существует *res-pública*»²⁰. Таким образом, Аргентина после захвата Англией Фолклендских (Мальвинских) островов, осуществленного, ею, безусловно, по праву силы, накопленной в течение предшествовавших столетий, не могла претендовать на этот архипелаг ввиду своей *цивилизационной* отсталости.

Это обстоятельство было фундаментальным, но далеко не последним. Следует заметить, что название, которое получила будущая Аргентина при распаде в 1810 г. испанского вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, было весьма точным — Объединенные провинции Ла-Платы. Вот только вопрос об их «объединенности» и создании единого национального государства не был решен до 1862 г. А Испания признала независимость страны в 1863 г. Идеи майской революции и прогрессивные реформы Бернардино Ривадавии были в то время чужеродным европейским напластованием поверх данностей скотоводческой пампы и, естественно, оказались скоротечными. С 1829 по 1852 г. продолжалась, как известно, диктатура одного из крупнейших землевладельцев Хуана Мануэля Росаса. Федералист, яростный

противник сторонников объединения — унитариев, реакционер, он был, однако, невероятно популярен среди гаучо, а его режим, по выражению Сармьенто, удостоенного почетного звания «Наставника» Латинской Америки, стал «формулой бытия целого народа»²¹. Буэнос-Айрес во главе с диктатором решительно подавлял самостоятельность двух групп провинций: внутренних и приморских. Свержение Росаса отнюдь не означало отмены упомянутой «формулы»: еще целое десятилетие, до 1862 г., существовали два аргентинских государства: Буэнос-Айрес и Аргентинская конфедерация со столицей в Паране. И лишь затем начался растянувшийся почти на 20 лет процесс консолидации национального государства, ликвидации очагов сепаратизма, формирования агроэкспортной экономики и ускоренных социальных изменений. Какие аргентинские провинции, группы провинций, их конфедерация, наконец, сам Буэнос-Айрес в *политических* обстоятельствах первой половины XIX в. могли на общепризнанных основаниях оспаривать у Англии обладание архипелагом?

Поскольку в своей внешней политике Росас ориентировался на Англию, его претензии к ней по поводу возвращения архипелага носили формальный характер. Фолкленды (Мальвины) по большому счету были не нужны диктатору, занятому проблемой удержания и укрепления своей власти и борьбой со своими политическими врагами-унитариями. Хотя факт английской оккупации островов был широко известен, *международная ситуация* складывалась не в пользу их возвращения Аргентине. США, оспаривавшие у нее права на промысел рыбы и морского зверя, в данном вопросе, как упоминалось, явно отклонялись от принципов Доктрины Монро в пользу англо-саксонской солидарности со своей бывшей метрополией.

Бразило-аргентинские контакты относительно захвата архипелага тоже, как выяснилось, не внушали большого оптимизма. Сначала казалось, что регентство при малолетнем Педро II было готово содействовать Буэнос-Айресу. 30 октября (11 ноября) 1833 г. Валленштейн писал: «Кабинет Рио-де-Жанейро не умерен в своих дружеских заверениях и предложениях услуг для победы того, что называют американским делом. Посланник Бразилии в Лондоне получил указание поддержать все демарши своего аргентинского коллеги, а последнего обязали кроме того просить такого же содействия у всех других представителей иностранных государств при британском правительстве. Ставился даже вопрос об отзыве аргентинского посланника и разрыве отношений с Англией, но затем предпочли оставить его на своем посту, предписав удвоить усилия в борьбе за права своей нации»²². Между тем уже через две недели тон генерального консула существенно поменялся, и проаргентинские настроения в Рио-де-Жанейро стали выглядеть довольно эфемерными. Как иначе можно трактовать строки из его донесения от 13 (25) ноября 1833 г.: «Отношения регентства с Англией и, в частности, с британской миссией в Рио-де-Жанейро носят печать полной гармонии. Чтобы ослабить впечатление, произведенное нескрываемым удовлетворением руководителей Буэнос-Айреса относительно помощи, обещанной им бразильским регентством в деле о Мальвинских островах, «*Courtier Officiel*» в одном из последних номеров постарался заверить, что упомянутые добрые услуги и другие эффективные меры, допускаемые международным правом, благодаря которым бразильский посланник в Лондоне мог бы поддержать посланника Буэнос-Айреса, никоим образом не

Тонущий аргентинский крейсер «Бельграно»

нанесут ущерба отношениям Бразилии с европейскими державами, тем более, что коммерческие интересы последних требуют сохранения неизменно дружественных контактов с правительствами американских государств. Такая прямота и лояльность бразильского правительства должны поддерживаться всеми американцами»²³.

Известная энергия, проявлявшаяся Буэнос-Айресом в 1833—1834 гг. с целью вернуть себе архипелаг, объяснялась острой внутривластной борьбой, происходившей в аргентинской столице. С декабря 1829 по декабрь 1832 г. Росас был губернатором провинции Буэнос-Айрес, располагая официально предоставленными ему неограниченными полномочиями. Однако затем он их не получил, и предпочтя в связи с этим губернаторскому креслу пост командующего вооруженными силами провинции, в 1833 г. — начале 1835 г. предпринял поход против индейцев во внутренние районы пампы. Возглавили Буэнос-Айрес в те годы упоминавшийся выше Балькарсе, а затем Хуан Хосе Виамонте. Впрочем, уже в апреле 1835 г. в лучах славы «героя пустыни» и с диктаторскими полномочиями Росас, теперь уже на долгие 17 лет, утвердился в своей прежней должности.

Единственным, кто в 1833 г. «с сердечностью» поддержал Буэнос-Айрес в противовес Лондону, был президент Боливии генерал Андрес Санта-Крус. В донесении от 3(15) октября того же года Валленштейн напомнил Нессельроде, что посылал ему «ноту, направленную боливийским правительством правительству Буэнос-Айреса относительно оккупации Мальвинских островов англичанами»²⁴. Она была опубликована в прессе и послана в Петербург в виде газетной вырезки. В том же донесении генеральный консул сообщал, что по сведениям «одного политического наблюдателя, писавшего из Боливии в феврале 1833 г., положение там существенно лучше, чем в какой-либо другой испаноамериканской республике. Страна

богата металлами, ее доходы покрывают расходы, там нет государственного долга, торговля не имеет никаких стеснений, законы соблюдаются с разумной строгостью. Единственный порт Боливии Кобиха имеет удобную гавань, причем более безопасную, чем Вальпараисо, но в нем насчитывается пока не более тысячи жителей»²⁵. Высокую оценку правительству Санта-Круса дал в 1836 г. и Пл. Чихачев, полагая, что по сравнению с конкурентами «у него больше денежных средств и интеллектуальных сил»²⁶.

Между тем Росас не только не принял какой-либо помощи со стороны Санта-Круса — с 1836 г. главы Перуанско-боливийской конфедерации, ее главного маршала и протектора, — но отказался допустить в Буэнос-Айрес его дипломатического представителя. Отклонение присланных диктатору верительных грамот носило чисто формальный характер. В донесении от 2(14) февраля 1837 г. Валленштейн пояснял, что вместо «поверенного в делах» боливийский дипломат был назван в этом документе «агентом по делам», а вместо просьбы аккредитовать его при исполнительной власти Республики Аргентина упоминалось только о Росасе как главе Буэнос-Айреса²⁷. Такая позиция диктатора была далеко неслучайной. Причиной ее был старый аргентино-боливийский спор из-за области Тариха, входившей в колониальные времена в состав вице-королевства Рио-де-Ла-Плата, затем аргентинской провинции Сальта, а в ходе Войны за независимость оказавшейся боливийским приобретением. Росас был также крайне недоволен тем, что Санта-Крус оказывал поддержку унитариям северных провинций. 19 мая 1837 г. диктатор даже объявил войну Санта-Крусу, но она вскоре закончилась без серьезных последствий для обеих сторон.

В донесениях, датированных 7(19) мая, 30 июня (12 июля), 6(18) октября 1839 г., Валленштейн упоминает, что Англия заставила Буэнос-Айрес «почти забыть о захвате Мальвинских островов»²⁸. Иначе и быть не могло. В ответ на объявление Росасом в марте 1836 г. таможенной войны своему торговому конкуренту Монтевидео Франция, стремившаяся укрепить свои коммерческие позиции в Уругвае, с марта 1838 по октябрь 1840 г. блокировала аргентинскую столицу. Выступить в этот период против Лондона было бы для Росаса равносильно самоубийству. Несмотря на известные разногласия по некоторым вопросам с английским правительством, Росас после своего свержения и бегства из Аргентины отправился именно под защиту Туманного Альбиона и скончался в Саутгемптоне в марте 1877 г.

Вопрос об англо-аргентинских контактах в связи с приобретением архипелагом в 1841 г. статуса заморской колонии Лондона касается едва ли не решающего обстоятельства, связанного с этим бесконечно затянувшимся спором, его *финансовой* составляющей. В донесении от 3(15) октября 1833 г., т.е. через десять месяцев после прихода на архипелаг корвета «Клио», Валленштейн писал: «По словам одного иностранного агента, живущего в Буэнос-Айресе уже несколько лет, все там в состоянии упадка, все более и более погружается в анархию, забывая о всех принципах жизни общества и впадая в варварство... Денежная система также почти полностью является фиктивной. Унция золота стоит там 105—107 пиастров, т.е. более чем в семь раз выше своей действительной стоимости. Банк, который в течение нескольких лет выдавал деньги для нужд правительства и публики, недавно объявил, что закрывает свои кассы с 1 января 1834 г. В Буэнос-Айрес, насколько известно, ввозят также фальшивые медные деньги. И в то

же время там жалуются на чрезмерное количество в обращении мелкой серебряной монеты»²⁹. Наиболее обстоятельные сведения о финансовых отношениях Лондона и Буэнос-Айреса мы находим в тщательно изложенных Валленштейном донесениях А. де Сен-При в Париж, которые датированы мартом-апрелем 1834 г.

В Буэнос-Айресе Сен-При везде сопровождал генеральный консул Франции, щедро делившейся с ним информацией, да и местные власти принимали его с большим почтением. Губернатор провинции Виамонте выстроил для его встречи почетный караул, что практиковалось тогда только по прибытии аккредитованных дипломатов, и через два дня отдал ему визит, чего не удаивался ранее даже английский посланник Фокс. Все эти любезности Сен-При объяснял глубоким уважением, которое испытывал тогдашний министр иностранных дел генерал Томас Гвидо к королю французов Луи Филиппу. Сен-При беседовал с Гвидо и нашел его человеком весьма сведущим³⁰.

В 1826 г., спустя год после признания Объединенных провинций Ла-Платы Лондоном, писал Сен-При, Буэнос-Айрес получил английский займ в размере 5 млн пиастров ассигнациями³¹. Шедшая тогда война с Бразилией за территорию Уругвая (1825—1828 гг.) была для аргентинцев трудной и разорительной: проценты по взятому долгу ни разу не выплачивались. Сен-При полагал, что «англичане заняли острова как залог в ожидании выплаты долга, и если им не уступят архипелаг, они всегда будут ссылаться на эту неуплату и будут оставаться на нем до бесконечности»³².

Излагая содержание донесений Сен-При, Валленштейн 20 декабря 1834 г. (1 января) 1835 г. так резюмировал его данные на середину марта 1834 г.: «Финансовое положение Буэнос-Айреса далеко не блестяще. Государственный долг достиг 82 млн пиастров, что по приблизительным подсчетам составляет 61 млн франков. В упомянутый долг входит задолженность Англии в размере 37,5 млн пиастров и 14,5 млн неоплаченных процентов (т.е. суммарный долг Лондону составлял тогда 52 млн пиастров, что равнялось 63% всего государственного долга. — *Б.К., С.Б.*). Английское правительство не торопится с взысканием процентов, а поскольку в финансовых делах оно не упускает своих выгод, это примерное долготерпение можно приписать лишь желанию усугубить финансовые трудности этой страны и стремление сделаться необходимой для нее, когда задолженность достигнет апогея. Возможно и даже вероятно, что Англия оккупировала Мальвинские острова как предварительное обеспечение (своего долга. — *Б.К., С.Б.*), а полной компенсацией за продолжительное снисхождение британского правительства явится окончательная уступка архипелага, имеющего большое военное и торговое значение. Мальвинские острова — это ключ к переходу вокруг мыса Горн и, владея ими, можно легко воспрепятствовать плаванию с одной стороны Южной Америки к противоположной. Доход Аргентины не превышает скромной суммы в 12 млн пиастров, из которых 9 млн поступают от таможен. Любопытно, что прямые налоги собираются лишь в сумме 337 тыс. пиастров»³³.

В 1841 г. Росас был готов признать Мальвины заморской колонией Великобритании в обмен на прощение долгов. Лондон воспротивился такой сделке, сочтя, что архипелаг и так находится в его владении. С изменившимся статусом острова остались под английским контролем, не призна-

ваемым Буэнос-Айресом. Англо-аргентинский спор из-за клочка суши, потерянного в южной Атлантике, отнюдь не был исчерпан, но он, можно сказать, «заснул» на долгие десятилетия. Не «разбудило» его и подтверждение статуса архипелага как английского владения в 1892 г.

Приняв во внимание комплекс соображений, высказанных выше, мы вряд ли уйдем от заключения, что развязанная аргентинским военным правительством Леопольдо Гальтерри в апреле—июне 1982 г. десятидневная война за Фолкленды была не более чем безответственной авантюрой. Она закончилась тем, чем не могла не закончиться, — разгромом нападавших, но стоила жизни 750-ти аргентинским солдатам, 255-ти британским морякам и летчикам, а также троим ни в чем не повинным островитянам. Да, с начала 30-х годов XIX в. наш мир неузнаваемо изменился, и его богатства используются и ценятся человечеством по-другому. На первый план выходит гонка за источниками энергии, поскольку ее потребление неограниченно растет. Недр фолклендского шельфа таят в себе до 60 млрд баррелей нефти, что составляет более половины ее разведанных запасов в Мексике, Венесуэле и Бразилии вместе взятых. Старый спор о принадлежности архипелага в этой ситуации «проснулся» и становится все более актуальным. Но, помилуйте, история — очень строгая и нелицеприятная дама. Она скрупулезно учитывает все действия своих акторов, когда бы они ни совершались. Для нее не существует «черновики», историческая судьба каждого народа пишется сразу «набело» и не подлежит исправлениям. Об этой не поддающейся изменениям данности стоило бы подумать аргентинцам, большинство которых отвергли результаты референдума, проведенного на Фолклендских островах 10-11 марта 2013 г. А итоги этого воспринятого там с большим энтузиазмом мероприятия таковы: при общей численности голосовавших в 1517 человек и 92-процентной явке 99,93% островитян высказались за то, чтобы их архипелаг сохранил свой нынешний статус — Заморская территория Объединенного Королевства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Б.Н.Комиссаров. «Поездка через Буэнос-Айресские пампы» (1835—1836). О записке российского поверенного в делах в Бразилии А.П.Мальтица и путешественника Пл.А.Чихачева. — Латинская Америка. 2012. № 7. С. 54.

² Ч.Дарвин. Путешествие натуралиста вокруг света на корабле «Бигль». М., 1983, с. 177.

³ С.Г.Божкова. 1) Материалы российских дипломатических и консульских представителей в Бразилии (1812—1916 гг.) как источник по истории испаноязычных стран Америки (к постановке проблемы) — Под созвездиями Большой Медведицы и Южного Креста. Российско-латиноамериканские отношения XVII—XXI веков. СПб., 2009, с. 6—9; 2) К вопросу о новых российских источниках по истории испаноязычных стран Америки (1812—1916). — Известия СПбГЭТУ, 2011, № 10, с. 130—135; 3) Продолжение традиций российской дипломатической и консульской службы в Бразилии в первой половине 30-х годов XIX века. — Информация. Коммуникация. Общество. Философия взаимодействия цивилизаций, культур и языков. Материалы VIII всероссийской научной конференции, 27-28 января 2011 г. СПб, 2011, с. 7—10; 4) Российские консулы и дипломаты в Латинской Америке (1811—1917 гг.): уровень их образования. — Информация. Коммуникация. Общество. Модернизация науки и образования: информационные проблемы и коммуникативные риски. Материалы IX всероссийской научной конференции, 25-26 января 2012 г. СПб, 2012, с. 22—23; 5) Консульская и дипломатическая служба в России в первой половине XIX века: проблемы учета опыта прошлого (на примере российского генерального консула в Рио-де-Жанейро Ю.А.Валленштейна). — Информация. Коммуникация. Общество. Взаимодействие поколений: проблемы, конфликты, возможности. Материалы X всероссийской научной

конференции. 24-25 января 2013 г. СПб, 2013, с. 27-29; 6) Новые русские источники по истории испаноязычных стран Америки XIX — начала XX в.: их происхождение, географическая локализация, периодизация. — Известия СПбГЭТУ, 2013, № 4, с. 120-129.

⁴ Б.Н.Комиссаров. «Нет торгу, который был бы сходнее и выгоднее бразильского...». К 200-летию основания российского генерального консульства в Рио-де-Жанейро (1811-2011 гг.). — Латинская Америка, 2011, № 12, с. 60—80.

⁵ Подробнее см.: С.Г.Божкова. Российский генеральный консул в Рио-де-Жанейро Ю.А.Валленштейн. У порога многолетней службы. — Латинская Америка, 2012, № 10, с. 63—77.

⁶ Архив внешней политики Российской империи (далее — АВПРИ). Ф. Канцелярия, 1833, д. 186, л. 4.

⁷ Там же, л. 5—7; Поверенный в делах в Бразилии А.П.Мальтиц — К.В.Нессельроде, 21 ноября (3 декабря) 1832 г. — АВПРИ. Ф.Канцелярия, 1833, д. 185, л. 38—38 об.

⁸ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1833, д. 186, л. 7 об.

⁹ Там же, л. 8—10 об.

¹⁰ Там же, л. 13—13 об.

¹¹ Там же, л. 79 об — 80.

¹² Там же, л. 220 об.

¹³ Там же, л. 156 об.

¹⁴ Там же, л. 159.

¹⁵ Там же, л. 157 об. — 158 об.

¹⁶ Там же, 1833, д. 185, л. 129.

¹⁷ Там же, 1834, д. 185, л. 186—186 об.

¹⁸ Там же, 1835, д. 208, л. 70 об. — 71.

¹⁹ Н.С.Крылов. К вопросу о периодизации истории скотоводства на Ла-Плате в XVI—XVIII вв. — Вестник ленинградского университета. Серия «История. Язык. Литература», 1981, № 8, вып. 2, с.112—114.

²⁰ Д.Ф.Сармьенто. Цивилизация и варварство. Жизнеописание Хуана Факундо Ки-роги, а также физический облик, обычаи и нравы Аргентинской республики. М., 1988, с. 24.

²¹ Там же, с. 10.

²² АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1834, д. 185, л. 56 об. — 57.

²³ Там же, л. 83— 83 об.

²⁴ Там же, 1833, д. 186, л. 419 об.

²⁵ Там же, л. 421. Выход к морю был потерян Боливией по результатам Второй Тихоокеанской войны 1879—1883 гг. в связи с подписанием 4 апреля 1884 г. чилийско-боли-вийского соглашения в Вальпараисо.

²⁶ Б.Н.Комиссаров. «Поездка через Буэнос-Айресские пампы»..., с. 52.

²⁷ АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1837, д. 189, л. 112—112 об.

²⁸ Там же, 1839, д. 178, л. 319 об. — 320; см. также лл. 264 об. и 445.

²⁹ Там же, 1833, д. 186, л. 419— 419 об.

³⁰ Там же, 1835, д. 207, л. 111 об.— 112.

³¹ Далее все расчеты также приводятся в пиастрах ассигнациями.

³² АВПРИ. Ф. Канцелярия, 1835, д. 207, л. 58—58 об.

³³ Там же, л. 110 об.—111.